

краткой, уже бывшей налицо в Хронографе, служившем источником для Хронографа 1533 года. Более удовлетворявшая читателей хронографическая повесть в результате оттеснила на второй план краткую повесть, чем и объясняется ее сравнительная редкость. Тем не менее эта краткая повесть, как дополнявшая в деталях и отдельных эпизодах большую популярную повесть, не утратила вполне своего значения среди определенного круга читателей. Ею интересовались в качестве источника для дополнительных составители исторических компиляций. Следы ее влияния видны в сказаниях о взятии Константинополя, основанных на хронографической повести, начиная с последней и кончая печатным изданием 1713 года.

VIII

Следом за переводной «краткой» повестью в русской письменности появилось первое русское произведение на ту же тему под заглавием «О взятии Царьграда от безбожного турецкого царя Магмета, сына Амуратова, еже бысть в лето 6961-е», составляющее 208-ю (последнюю) главу Хронографа редакции 1512 года (см.: ПСРЛ, XXII, стр. 437—440). Обычно статью эту принято называть «Плачем о падении Царьграда» ввиду общего лирического характера этого произведения, который выявляется с первых строк: «Хощу, — заявляет автор, — глаголати повесть иже не точию человеки, но и нечювственное камение и самыя стихии творит плакати и глаголати: горе и увы». Этот же рефрен «горе и увы» автор повторяет не раз и ниже. Собственно говоря, повести в плаче мы не находим. После краткого рассказа о происхождении Магомета и беглой характеристики бывшего процветания Царьграда автор в самых общих выражениях, большей частью шаблонных, говорит о взятии города, его разграблении, останавливаясь преимущественно на осквернении его святынь,¹ и заканчивает эту часть сильным лирическим плачем: «О како стерпе земля таковая. Како солнце сиати не преста. Како луна не преложися в кровь. Како звезды яко листвие не спадоша. О како перьвый в царех Коньстантин не подвиже владычицу богородицу и всех святых умолити о людех согрешших и уставити таковой суд гнева господня». Последняя фраза служит автору переходом к следующему далее поучительному рассуждению, суть которого формулирована в таких выражениях: если царь Константин и все святые и молят бога «уставити суд гнева божия», то они «не противятся судбам господним, яко ничимже инемь может очиститися таковой грех, точию огнем и инеми таковыми, занеже согрешшиша от главы и до ногу, сиречь, от больших и до меньших» (стр. 438). Эта мысль хорошо знакома и по другим произведениям, не только применительно к Царьграду. Развивая эту мысль при помощи большой цитаты из пророчества, автор останавливает внимание на конце этой цитаты: «аще же паки обратитесь ко мне... съберу вас и землю вашу и враги ваша отжену лица вашего» (слова исходят от бога). Это дает автору повод сказать, что погибель царств не есть погибель навсегда. Бог оставил нечто вроде семени, из которого и последует, когда наступит время, возрождение православных царств: доказательство этому он видит в том, что господь до сих пор «чудодействует» в Иерусалиме, чем он «устрашает неверных, верных же веселит и надежею питает избавления; образ же чюдотворения господня сице есть». Далее следует пересказ большого, из-

¹ Этот шаблон довольно распространен в старой письменности: мы его находим в тех случаях, когда речь идет о нашествиях «неверных» или «поганых» (большой частью татар) и о разорении ими русских городов.